

ДУДЫРИН Д. С.

ТРЕБОВАНИЯ К ПРАВОВОЙ ДЕФИНИЦИИ

Аннотация. В статье определяется теоретическое и прикладное значение правовой дефиниции как особого средства юридической техники. Приводятся примеры практического использования корректных и некорректных с точки зрения объема и содержания дефиниций действующего российского законодательства. Определены судебные подходы к разрешению юридических коллизий, сопряженных с использованием правовых дефиниций.

Ключевые слова: юридическая практика, правовая дефиниция, ошибка, дефектная правовая дефиниция, множественность дефиниций, полнота дефиниции, адекватность дефиниции, непротиворечивость дефиниции, логичность дефиниции, ясность дефиниции.

DUDYRIN D. S.

REQUIREMENTS TO LEGAL DEFINITION

Abstract. The article considers the theoretical and practical significance of legal definition as a special means of legal technique. The author gives examples of correct and incorrect legal definitions, considering the current Russian legislation. The study also deals with the judicial approaches to the resolution of legal collisions due to the use of legal definitions.

Keywords: legal practice, legal definition, error, defective legal definition, multiplicity of definitions, completeness of definition, adequacy of definition, consistency of definition, clarity of definition.

Правовые дефиниции, достаточно часто используемые в законодательстве, являются специфическим средством юридической техники, главное назначение которых – обеспечивать необходимую степень формализации самого права как государственного регулятора общественных отношений. Однако достичь данной цели непросто.

Как показывает практика правотворческой деятельности, разработка юридических определений проходит с большим трудом. Как совершенно верно заметили еще древние римляне, «любое юридическое определение несет в себе опасность» [9, с. 24]. Это можно объяснить тем, что неверное определение того или иного правового понятия может привести к нежелательным последствиям: нестыковкам в законодательном материале, неправильному толкованию и применению норм права и т.д. В дефиниции должны быть в общем и абстрактном виде представлены все особенности дефинируемого юридического понятия или иного феномена. Здесь нередко приходится наполнять конкретным юридическим смыслом термины, взятые из повседневной речи.

Представляя собой «четкое, лаконичное суждение законодателя о сущности правового явления, закрепляющее в обобщенном виде признаки той или иной правовой категории» [8, с. 64], дефиниция становится таким способом организации правовой материи, посредством которого государственная воля получает точное выражение, а зафиксированное в ней наличное правовое бытие будет являться частью сферы правового должествования. Их отсутствие – это несомненный недостаток правотворчества, неблагоприятно отражающийся на процессе правового регулирования. Результат же всего этого – путаница в понимании терминов, употребляемых в актах, использование одних и тех же терминов для обозначения разных понятий, их подмена и т.д.

Яркий пример такой ошибки в законодательстве можно найти в действующем Трудовом кодексе РФ, например, в ст. 64, где употребляется термин «деловые качества работника» без дефиниции к нему. В частности, в ней установлен запрет на необоснованный отказ в заключении трудового договора и косвенное либо прямое ограничение прав, либо преимуществ кроме случаев, в которых право или обязанность устанавливать такие ограничения или преимущества установлены федеральным законом, а также за исключением обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников. Однако, не зная, что именно представляют собой такие «деловые качества работника», мы не имеем возможности адекватно применить положения, вытекающие из смысла анализируемой статьи. Как итог, после введения Трудового кодекса РФ в действие, нерадивые работодатели получили лазейки для обхода закона, формально при этом не нарушая его. В затруднение попал и находящийся в сфере действия соответствующей нормы правоприменитель.

Впоследствии, данная проблема была решена. Названный выше пробел был восполнен Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации». В п. 10 четко указано, что «под деловыми качествами работника следует, в частности, понимать способности физического лица выполнять определенную трудовую функцию с учетом имеющихся у него профессионально-квалификационных качеств (например, наличие определенной профессии, специальности, квалификации), личностных качеств работника (например, состояние здоровья, наличие определенного уровня образования, опыт работы по данной специальности, в данной отрасли)» [5].

В связи с этим можно выделить одно из основополагающих требований к правовой дефиниции – недопустимость существования в рамках системы различных дефиниций одного понятия, то есть необходимо придерживаться так называемого принципа «одно понятие – одно определение». Объяснение этому достаточно простое. По своей сути дефиниция должна обеспечивать единообразное понимание норм права не только

конкретного акта, но и всего законодательства в целом. Несоблюдение данного принципа означает создание ситуации неопределенности, в которой правоприменитель не сможет точно и четко понять, как ему поступать в каждом конкретном случае, так как в одной дефиниции излагается одно определение термина, в другой – совершенно иное. Не менее, а даже более, нежелательные последствия в этом случае грозят тем, на кого направлено содержание норм права, то есть на нас, законопослушных граждан (и не граждан), старающихся действовать согласно «букве закона».

Встречаются в законодательстве и ситуации множественного дефинирования одной и той же юридической категории. А. Ф. Черданцев в своей монографии «Логико-языковые феномены в юриспруденции» (М., 2012) обращает внимание на следующую ситуацию: в примечаниях к статьям гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» (ст. 171, 174, 177, 185, 188, 193, 194, 199) УК РФ дается определение оценочного термина «крупный размер» применительно к каждой разновидности преступления. Одиннадцать определений одного термина» [11, с. 95].

Однако далее он пишет, что «определяется именно термин путем указания на объем понятия «крупный ущерб», обозначаемого термином, без указания существенных признаков названного понятия. Дать общее понятие «крупный ущерб» применительно ко всем видам преступлений весьма затруднительно, все свелось бы снова к использованию оценочных терминов (понятий) и многословности» [11, с. 98]. То есть получается, что в данном случае так называемый плюрализм дефиниций вполне оправдан. Если было бы иначе, то это чрезмерно нагружало бы содержание нормативного акта.

А как излагаются дефиниции? Здесь следует отметить, что правовые акты должны иметь четкую систему отсылок к дефинициям, содержащимся в других актах. Решение вопроса о расположении дефиниции в структуре правового акта связано со значимостью соответствующего понятия в масштабе акта, то есть, с количеством норм, в которых это понятие используется. Достаточно актуален в связи с этим вопрос о технике изложения дефиниций и последующей работы с ними. Юридическая наука на данный момент выработала несколько вариантов размещения дефиниций в тексте закона. Они могут располагаться:

1. в виде отдельной статьи, объединяющей все понятия, используемые в нормативно-правовом акте и расположенной в его начале (так называемая статья-гlossарий);
2. в начале части или раздела, в котором содержится определяемое понятие;
3. непосредственно в тексте статьи, излагающей правовую норму;
4. комплексно, когда, несмотря на расшифровку термина первым либо вторым способом, их дефиниция дается и при упоминании в тексте;

5. постранично-ссылочно: в тексте нормативного акта делается отсылка на статью, пункт нормативного акта, где соответствующая дефиниция впервые употребляется [9, с. 185-186].

Рациональность использования того или иного способа в каждом конкретном случае напрямую связана с целью, задачами и объемом правового регулирования.

Однако, актуален вопрос о том, насколько допустимо помещать дефиниции основных понятий в преамбулу нормативного акта. Главная проблема, как сослаться на них в правоприменительных актах? И как оценить их юридическую силу? Л.Ф. Апт признает допустимость подобного метода, поскольку в последующем «при проведении работ по инкорпорации гораздо проще удалить преамбулу с устаревшей терминологией, чем проектировать новую редакцию статей» [6, с. 309]. Однако, проблема устаревания дефиниций стоит значительно менее остро, чем проблема отставания правовых норм от потребностей практики. Дефиниции как раз представляют собой элементы законодательства, придающие ему устойчивость и стабильность. В их общем характере заложена потенциальная возможность приспособляться к меняющимся нормам, сохраняя свое действие на протяжении длительного времени. Поэтому вряд ли стоит «выбрасывать» их за рамки основного текста закона.

Дефиниции должны отражать только существенные признаки обобщаемых явлений. И каждый такой признак должен иметь правовое значение. В качестве примера рассмотрим ч. 1 ст. 14 УК РФ, в которой дается определение понятия «преступление». «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» [3]. Как мы видим, в данном определении дается общее понятие о преступлении, включающее признаки, характерные для абсолютного любого преступления, а именно: деяние, общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость. То есть мы можем говорить о том, что ничего лишнего в данном определении нет. Оно, как множитель за скобками, характеризует специфику преступности деяния в целом, но применимо к любому акту преступной деятельности. Данная дефиниция имеет и перспективное значение: может использоваться в последующем при формулировании признаков любого нового состава преступления.

Дефиниции также должны быть полными. Полнота дефиниции выражается в ее способности отражать все сущностные черты дефинируемого понятия. Ни один значимый признак дефинируемого явления или факта не должен выпасть из поля зрения законодателя. Для примера обратимся к п. 1 ст. 48 ГК РФ, в котором дается понятие юридического лица: «Юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по

своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде». Данная дефиниция затронула все аспекты определяемого понятия, что очень важно, учитывая тот факт, что понятие юридического лица является одним из центральных понятий гражданского права, определяющим содержание и смысл всех его норм.

Следующее требование к дефиниции – адекватность, то есть ее объем должен совпадать с объемом определяемого понятия. Она должна быть лаконичной, в определенных случаях допускается ее сложносоставной характер, но при этом она должна оставаться применимой. Ярким примером может послужить определение понятия «местное самоуправление», которое дано в ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: «Местное самоуправление в Российской Федерации – форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций» [4]. Несмотря на то, что с первого взгляда приведенная дефиниция покажется слишком громоздкой и сложной, она в полной мере выражает сущностные характеристики института местного самоуправления в нашем государстве, т.е. адекватна.

Дефиниция не должна содержать противоречивых суждений. В случае, когда каждый последующий признак отменяет предыдущий, дефиниция не пригодна для использования. В российском законодательстве примеров таких дефиниций нами не было найдено, поэтому чтобы проиллюстрировать данное высказывание, используем пример, приведенный Л. Е. Балашовым: «Чтоб добрым быть, я должен быть жесток» [7, с. 246].

Это наглядный пример парадокса, который может возникнуть при противоречии суждений. Для демонстрации положительного примера вновь обратимся к ФЗ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в частности к ч. 1 ст. 2: «межселенная территория – территория, находящаяся вне границ поселений» [4].

Дефиниция не должна содержать термины, употребляемые в определяемом понятии, то есть не допускать тавтологии, иначе данная дефиниция будет лишь засорять нормативный акт своим присутствием и никакой пользы от нее не будет. Возьмем, к примеру, ч. 1 ст. 159

УК РФ, которая гласит «Мошенничество – хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием». Как мы видим, здесь законодатель не допускает тавтологии. Допустим, что это не так, и в дефиниции понятия «мошенничество» законодатель использует, как бы это не парадоксально звучало, понятие «мошенничество». К чему все это приведет? Возникает спорная ситуация в понятии не только данной нормы, но и всего уголовного права. И государственной власти, в конце концов, придется либо изменить данную статью, либо Конституционному Суду придется заняться данным вопросом, чтобы разрешить создавшуюся коллизию.

В заключение хотелось бы сказать, что значение дефиниций велико и именно поэтому существует необходимость в четком и неуклонном соблюдении определенных требований, предъявляемых к ним. И как отмечает Л. Н. Ушакова «на федеральном уровне, к сожалению, пока нет законодательного акта, в котором закреплялись бы правила законотворческой техники» [12, с. 195]. Для дефиниции, которая является одним из основных средств законотворческой техники, принятие подобного нормативного акта имело бы очень большое значение, так как это позволило бы упорядочить механизм ее формулирования, изложения и применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (1993) // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 3.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
5. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 6. – С. 2.
6. Апт Л. Ф. Правовые дефиниции в законодательстве // Проблемы юридической техники. – Н. Новгород, 2000. – С. 301–315.
7. Балашов Л. Е. Философия: учебник. – 2-я ред., с изм. и доп. – М., 2005. – 672 с.
8. Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права. – М.: Юрид. лит., 1976. – 118 с.

9. Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. – 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 496 с.
10. Сандевуар П. Введение в право. – М.: Интратэк-Р, 1994. – 324 с.
11. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 320 с.
12. Ушакова Л. Н. Дефиниции как нетипичное средство законодательной техники // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – №1(11). – С. 193–195.